

АЛЕКСАНДР КАЧУРА

18+

ТЫ МОЯ САМАЯ СВЕЖЕНЬКАЯ

Часть 2

Александр Качура

Ты моя самая свеженькая. Часть 2

«Издательские решения»

Качура А.

Ты моя самая свеженькая. Часть 2 / А. Качура — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695816-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Прошло двадцать лет. Костя теряет руки по расписанию, Костян чинит якорь, а Ася знакомится в интернете с мумией из Одессы. Всё шло к свадьбе, но крестовый поход застрял в сауне, родители-мумии приехали пить чай с песком, море «вспомнило себя», а на поднявшемся острове уже жили нацисты. Дальше — боги, русалки, сбежавший форшмак, Rammstein и якорь, который держит всё. Полный бред. Но прикольно. Организация «Meta Inc.» запрещена на территории РФ.

ISBN 978-5-00-695816-6

© Качура А.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	25
ГЛАВА 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ты моя самая свеженькая Часть 2

Александр Качура

© Александр Качура, 2026

ISBN 978-5-0069-5816-6 (т. 2)

ISBN 978-5-0069-5815-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Двадцать лет спустя

Прошло двадцать лет со дня свадьбы.

Никто не умер.

Это уже считалось успехом.

Некоторые даже начали гордиться.

Дом Кровштейн-Мертвецких стоял там же, где стоял.

Немного покосился, но не больше, чем его жители.

Иногда дом вздыхал.

Никто не выяснял, чем именно.

Эбигейл научилась не скрипеть зубами по ночам.

Теперь она скрипела мысленно.

Костя научился не осыпаться без повода.

Иногда он всё равно осыпался – но теперь по расписанию.

По вторникам и пятницам. Для порядка.

В остальные дни он держался из уважения к семье.

Дети выросли.

Костян вырос молча.

Агата и Белла выросли громко.

Иногда одновременно, что было тяжело для стен.

Анастасия выросла и задумалась.

Ей исполнилось двадцать.

– Мы всё-таки правильно тебя назвали, – сказала бабушка Маргарита, поправляя кружевной воротник.

– Не начинай, – устало ответила Эбигейл.

– Я вообще хотела Изя, – пробормотала Зинаида Петровна. – Но меня никто не слушает с 1987 года. И это тревожно.

Анастасия не слушала их тоже.

Она смотрела в телефон.

– Мам, а если человек говорит, что он мумия – это редфлаг?

– Смотря какая мумия, – спокойно ответил Костя, у которого в этот момент отпала кисть. – Египетская или самодельная?

Кисть упала, подумала и осталась лежать.

– Одесско-египетская.

В комнате стало тихо.

Даже вилка, которую держал Костян, замерла в воздухе.

Она зависла чуть дольше, чем это допустимо физикой, и медленно опустилась обратно.

– С акцентом? – осторожно спросила Эбигейл.

– С очень приятным.

Телефон пискнул.

Сёма Тутанхоменко прислал сердечко и цитату из Пушкина.

Почему Пушкин – он не объяснил.

Но выглядело искренне.

И грамотно расставлял запятые.

– Он пишет, что «я памятник себе воздвиг нерукотворный».

– Это он о себе? – спросил Костя.

– Нет, это он о нас.

Где-то в подвале что-то треснуло.

Не громко.

Как будто дом услышал имя.

Никто не пошёл проверять.

И правильно сделал.

ГЛАВА 1

Крестовый поход, сауна и отсутствие воды

Крестовый поход начался в четверг.

Батюшка не планировал его.

Он просто хотел высказаться.

Но когда человек в рясе начинает говорить о морали – люди либо крестятся, либо присоединяются.

Иногда и то и другое.

К вечеру их было уже шестеро.

– Идём! – крикнул батюшка.

– Куда?

– В целом – против!

Это всех устроило.

Даже тех, кто не понял.

На третьем повороте к ним присоединился мужчина с удочкой.

– Вы на что ловите? – спросил он.

– Господом!

– Это не валюта.

Он всё равно пошёл с ними.

На всякий случай.

Через полчаса крестовый поход оказался в сауне.

Никто не понял как.

Дверь была обычной.

А снаружи её не нашли.

– Это стратегическая точка, – уверенно сказал батюшка, вытирая пот.

– Тут нет воды, – заметил кто-то.

– Тем хуже для воды.

Мужчина с удочкой забросил леску.

Через сорок минут он вытащил карася.

Карась был в полотенце.

Он молчал, но осуждал.

И выглядел старше всех присутствующих.

В углу школьник снимал всё на телефон.

– Для Гильдии, – пояснил он.

– Какой?

– Которая потом скажет, что так и было.

Никто не стал спорить.

Батюшка вдруг замолчал.

Он сам не понял почему.

Но ему показалось, что кто-то слушает через него.

Не слова – паузы.

– Мы должны очистить... – начал он.

И осёкся.

Слово не пришло.

Он посмотрел на карася.

Карась смотрел в ответ.

Вентиляция дышала чуть громче обычного.

Как будто ей было интересно.
– Ладно, – сказал батюшка. – Потом решим.
И в этот момент что-то решило за них.
Но пока тихо.

В это время в доме Кровштейн-Мертвецких
Анастасия собирала чемодан.
– Я еду в Одессу, – сказала она спокойно.
Стены чуть напряглись.
– К кому? – спросила Эбигейл.
– К Сёме.
– Это тот, который... исторический?
– Он не осыпается, – уточнила Ася. – Он просто бинтованный.
Костян в углу чинил старый якорь.
Якорь был тяжёлый.
Он не подходил ни к чему в этом доме.
Кроме будущего.
– Нужная вещь, – сказал он.
– Нам не к морю, – заметил Костя.
– Я знаю.
Костян покрутил якорь, отложил, взял снова.
– Но когда-нибудь пригодится.
Он сказал это так, будто слышал что-то через металл.
Ася застегнула чемодан.
Телефон снова пискнул.
«Таки приезжай. Мы тебя ждём. Мама уже готовит форшмак по рецепту фараонов.»
В сообщении было на одно слово больше, чем в прошлый раз.
Хотя она его не перечитывала.
– Форшмак? – переспросила Эбигейл.
– По фараонскому рецепту, – кивнула Ася.
В доме что-то тихо осыпалось.
На этот раз без повода.
Костя посмотрел на себя – он был цел.
Это насторожило.

В поезде
Напротив Аси сидела сухая бабка с глазами человека, который видел слишком многое
и одобрил не всё.
И кое-что запомнил.
– В Одессу? – спросила она.
– Да.
– Пока в Одессу, – уточнила бабка.
– А потом?
Бабка улыбнулась.
Зубы у неё были настоящие.
Это чувствовалось.
– Потом будет остров.
– Какой остров?
– Будущий.

Поезд слегка качнуло.
Хотя рельсы были ровные.
И направление – тоже.
Ася кивнула.
Ей вдруг показалось, что всё это уже происходило.
Но хуже.
И с большим количеством воды.
Телефон завибрировал.
«Не волнуйся. У нас всё под контролем.»
– Сёма.
Поезд въехал в тоннель.
Связь пропала.
Свет мигнул.
Бабка посмотрела в темноту и сказала:
– Это ничего. В тоннелях всегда интереснее.
Особенно когда они ещё не построены.

ГЛАВА 2

Табличка, порт и один сброшенный звонок

Поезд прибыл в Одессу без опоздания.

Это уже казалось подозрительным.

Вокзал встретил Асю шумом, запахом кофе и ощущением, что её кто-то заранее обсудил.

Она вышла на перрон.

И увидела табличку.

На табличке было написано:

«АСЯ (ВОЗМОЖНО АНАСТАСИЯ)»

Табличку держал высокий, аккуратно перебинтованный молодой человек в светлом костюме.

Бинты были уложены с вкусом.

Где нужно – сдержанно.

Где нужно – чуть драматично.

– Ты пунктуальная, – сказал он с лёгким одесским акцентом. – Это хорошее начало семейной жизни.

– Мы ещё не обсуждали семейную жизнь, – осторожно сказала Ася.

– Я люблю планировать, – ответил он. – Особенно необратимое.

Это был Сёма Тутанхomonенко.

Вблизи он выглядел... устойчиво.

Не рассыпался.

Не пах древностью.

Пах одеколоном и чуть-чуть историей.

– Ты выше, чем на фото, – сказала Ася.

– Это фильтр «пирамида», – кивнул Сёма. – Он добавляет величия.

Он убрал табличку.

Табличка исчезла в кармане пиджака.

Пиджак даже не изменил форму.

– Можно просто «жених», – сказал он. – Для экономии времени.

– Ася. Можно просто «невеста».

Для симметрии.

Они вышли из вокзала.

Улица

Город был солнечный.

Слишком солнечный.

– Куда мы идём? – спросила Ася.

– В сторону порта, – сказал Сёма. – Там лучше думается.

– О чём?

– О будущем. И о воде.

Они пошли по улице.

Голуби разлетались перед ними как свидетели.

Один голубь остался.

Посмотрел на них.

– Этот знает, – сказал Сёма. – Но молчит. Правильно.

Мимо прошёл мужчина с чемоданом, на котором было написано «НЕ ОТКРЫВАТЬ».

Никто не открыл.

- Ты нервничаешь? – спросил Сёма.
– Немного, – честно сказала Ася.
– Это нормально. Моя мама тоже нервничает.
Только она выражает это через готовку.
Ты ещё не ела форшмак по рецепту фараонов?
– Пока нет.
– Значит, ты ещё не видела, как выглядит паника в исполнении Сары Тутанхомоненко.
Телефон Сёмы завибрировал.
На экране высветилось:
«МАМА САРА»
Сёма посмотрел на экран.
Улыбнулся.
Сбросил.
– Не ответишь? – спросила Ася.
– Она любит начинать разговор с финала, – спокойно сказал он. – Я предпочитаю сначала прожить середину.
Телефон завибрировал снова.
Сёма перевёл его в беззвучный режим.
– Всё в порядке? – спросила Ася.
– В нашей семье – да.
Если мама звонит трижды подряд – значит, ничего страшного ещё не случилось.
Если дважды – мы кого-то хороним.
Если один раз – значит, она уже рядом.
Ася оглянулась.
Никого не было.
Только чайка смотрела слишком пристально.
– А если ноль? – спросила она.
– Ноль не бывает. Это Одесса.
Они свернули в переулок.
Здесь пахло рыбой, солью и чьим-то решением, которое ещё не приняли, но уже готовили.
– У вас правда лавка сувениров? – спросила Ася.
– Да. Семейное дело.
Папа считает, что мы несём культуру в массы.
Мама считает, что мы прикрываемся.
Я считаю, что папа прав, но мама умнее.
Телефон снова засветился.
Теперь без звука.
Сёма не смотрел.
Но его бинты чуть натянулись.
– Всё правда под контролем? – тихо спросила Ася.
Он остановился.
Посмотрел на неё.
Город за его спиной выглядел спокойным.
Слишком спокойным.
– Конечно, – сказал он мягко. – В Одессе всё всегда под контролем.
Просто не всегда понятно – у кого.
Телефон мигнул ещё раз.
И погас.
– Разрядился? – спросила Ася.

– Нет.

Это он понял, что я не возьму трубку.

Умный телефон.

Жаль, что не научился врать.

– Пойдём, – сказал Сёма. – Нам нужно успеть до прилива.

– До какого прилива?

Он улыбнулся.

– Метафорического. Пока что.

Они пошли дальше.

Ветер усилился.

Где-то далеко скрипнул металл.

Будто кто-то проверял якорь.

Но моря было почти не слышно.

И это было странно.

Порт

Вдали показались портовые краны.

Они стояли ровно.

Слишком ровно.

Как будто их кто-то построил для фото, а не для работы.

Они подошли к воде.

Вода была тёмной.

Слишком тёмной для такого светлого города.

– Красиво, – сказала Ася.

– Это вода, – ответил Сёма. – Она всегда красивая, когда не знаешь, что в ней.

Вдали гудел корабль.

Совсем обычный.

Никакой.

– Нам туда? – спросила Ася, кивая в сторону портовых построек.

– Почти.

Нам к одному человеку.

Он... ну, как тебе сказать...

Он давно здесь живёт.

И вода его знает.

– Рыбак?

– Не совсем.

– Капитан?

– Теплее.

– Контрабандист?

Сёма улыбнулся.

– Скажем так: он работает с водой.

А вода работает на него.

Иногда без спроса.

Ася хотела спросить ещё, но в этот момент из-за угла вышел мужик с ящиком.

Ящик был деревянный, старый, с надписью «ОСТОРОЖНО: НЕ МОРЕ».

– Это он? – шёпотом спросила Ася.

– Нет, это сосед, – так же шёпотом ответил Сёма. – Он всегда носит этот ящик.

Тридцать лет носит.

Никто не знает, что там.

Даже он сам.
Мужик прошёл мимо, кивнул Сёме и скрылся за контейнерами.
– Одесса, – сказал Сёма. – Здесь у каждого есть ящик.
Просто не все его показывают.
Они подошли к неприметной двери в стене старого пакгауза.
На двери висела табличка:
«ВХОД С МОРЯ»
Под ней карандашом было дописано:
«Если моря нет – стучать»
Сёма постучал.
Тишина.
Постучал ещё раз.
Изнутри донёлся голос:
– Стучи громче. Я не слышу, но проверяю.
– Это я, Сёма.
Пауза.
– А, Сёма. А с кем?
– С невестой.
Ещё пауза.
– А она настоящая?
– Спроси сам.
Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы пропустить свет.
Или чтобы не выпустить тьму.
– Заходите, – сказал голос. – Только без ботинок.
И без вопросов про ящик.
Они вошли.
Дверь закрылась.
Где-то внутри что-то булькнуло.
То ли вода.
То ли чайник.
То ли кто-то очень старый просто вздохнул.
Снаружи остались только чайки и ощущение, что разговор ещё не начался.
Внутри пакгауза.
Внутри пахло рыбой, солью и осторожностью.
Осторожность хранилась в отдельном ящике, но давно протекала.
Помещение было небольшим.
Слева – ящики с мидиями.
Справа – стол, накрытый газетой двухлетней давности. Газета сообщала, что всё нала-
дится. С тех пор она молчала.
В центре – человек.
– Саламон Маркович, – представился он, не вставая. – В прошлом портной. В настоя-
щем – скромный предприниматель. В будущем – посмотрим. Если дадут.
Он был сухой, с усами, которые пережили многое и никого не выдали.
Усы вообще были осторожнее хозяина.
– Это Ася, – сказал Сёма.
– Я вижу, что не налоговая, – кивнул Саламон Маркович. – Уже приятно. Налоговая
обычно заходит шире.
Он посмотрел на Асю внимательнее.
– Гибрид?

– Немного, – честно ответила она.

– По матери или по обстоятельствам?

– По любви.

Салямон подумал.

– Самый опасный способ.

Он встал.

Стул не скрипнул.

Хотя должен был. В Одессе всё скрипит – даже совесть.

– Значит так, Сёма, – продолжил он. – Твоя мама звонила.

– Я знаю.

– Нет, ты не знаешь. Она звонила мне.

Сёма замолчал. Даже плечи перестали быть одесскими.

– И что она сказала? – осторожно спросил он.

– Сказала: «Если он к тебе придёт – не выпускай его к воде.»

Пауза.

Ася посмотрела на Сёму.

– Это она про меня?

– Нет, – ответил Салямон Маркович. – Про него.

Он кивнул на Сёму.

– Я не собирался, – спокойно сказал Сёма.

– Врёшь, – без злости сказал Салямон. – Ты всегда идёшь к воде, когда нервничаешь.

Некоторые пьют. Ты – прилив.

Снаружи что-то плеснуло.

Не громко.

Но слишком близко для порта.

Салямон прислушался.

– Сегодня вода странная. С утра не торгуется.

– В смысле? – спросила Ася.

– Обычно она делает вид, что глубже. Сегодня сразу согласна. Это подозрительно.

Тишина.

Из дальнего угла булькнуло ведро.

– Не переживай, – добавил Салямон, глядя на Асю. – Это не про тебя.

Пока.

Он подошёл к ящику, открыл его.

Внутри лежали мидии.

Обычные.

Почти.

Одна из них была приоткрыта и явно слушала.

– Вы что-то хотели? – спросил он.

– Хотели спросить, – сказал Сёма, – всё ли спокойно.

Салямон Маркович подумал.

– В Одессе спокойно, когда шумно.

А когда тихо – я начинаю считать долги.

Сегодня я уже досчитал до тех, которых не брал.

Он посмотрел на дверь.

Кто-то тихо постучал.

Три раза.

С паузой, как будто вспоминали, зачем пришли.

Салямон не пошёл открывать.

– Это не ко мне, – сказал он. – Ко мне обычно стучат громче и с аргументами.
Стук повторился.
Два раза.
Уже увереннее.
Сёма медленно повернул голову к двери.
– А это? – спросила Ася.
Салямон Маркович вздохнул.
– А это, – сказал он, – уже не кредиторы.
– А кто?
– Кредиторы матерятся.
Он улыбнулся.
И впервые его улыбка не была одесской.
Она была старше.
Снаружи что-то провело по металлу.
Медленно.
Будто проверяя толщину.
Никто не шевелился.
Потом шаги – один, другой, третий – удалились в сторону воды.
Салямон Маркович выдохнул.
– Пронесло, – сказал он. – В этот раз.
В прошлый раз оно проверяло изнутри.
– Кто это был? – спросила Ася.
– Не знаю, – честно ответил Салямон. – Но оно знало, где стучать.
– А где нельзя?
– В бухгалтерию. Там даже нечему отвечать.
Сёма посмотрел на Асю.
– Пойдём, – тихо сказал он. – Нам пока не сюда.
– А куда?
– Домой.
Они вышли.
Дверь закрылась так же плотно, как открылась.
Будто ничего не произошло.
Будто всё только начинается.
Салямон Маркович остался один.
Он постоял, послушал тишину.
Потом подошёл к ведру, которое булькало, и накрыл его крышкой.
– Тихо, – сказал он. – У нас гости были.
Ведро булькнуло обиженно.
– Не время, – добавил он.
Ведро замолчало.
Но крышка слегка подрагивала, как человек, который согласился, но не смирился.
Салямон Маркович посмотрел в сторону порта.
– И это только утро, – сказал он.
Снаружи вода молчала.
И это было самое громкое.
Замрич. Дом Кости и Эби
В доме было спокойно.
Слишком спокойно.

Костя сидел за столом и читал книгу так сосредоточенно, будто книга могла прыгнуть на него первой.

На кухне шептались две сестры Аси. Шёпот был уверенный, коллективный и слегка осуждающий – их базовая настройка.

В углу, не поднимая головы, Костян чинил старый будильник.

Будильник не звонил лет десять. Но Костян знал: однажды время придёт. И тогда оно должно прозвенеть.

В дверь постучали.

Один раз.

Пауза.

Второй.

Пауза длиннее.

Третий – с таким чувством, будто стучали в воспитание.

Эби подняла голову.

– Это не почтальон, – сказала она. – Почтальон стучит с чувством вины.

Она пошла открывать.

Костя не поднялся.

– Если это снова свидетели конца света, скажи, что мы уже на рассылке, – пробормотал он.

Эби открыла дверь.

На пороге стояли две мумии.

Аккуратные бинты.

Сандалии ортопедические.

Выражение лица – родительское.

Мумия слева была выше и вся состояла из материнской тревоги.

Мумия справа стоял прямо, как человек, который всю жизнь ждал, что сын одумается.

Пауза.

Мумия-мама наклонила голову.

– Мы родители Сёмы, – сказала она. Голос был живой и уже всё решивший. – Где этот идиёт?

Эбигейл замерла.

– У нас дом без лифта, – осторожно сказала она. – Вы сами поднялись?

– Мы его родили, – ответила мама. – Мы поднимались и хуже.

Костя выглянул из комнаты.

Снял очки.

Протёр.

Надел обратно.

Мумии не исчезли.

– Добрый вечер, – вежливо сказал он. – Вы по записи или внезапно?

– Внезапно, – сказал отец. Голос у него был глухой, как архив. – Он отключил телефон.

– И сбросил меня, – добавила мама. – Меня! Женщину, которая знает его группу крови лучше, чем он.

Из кухни вышли две сестры.

Замерли.

– Это... – начала Агата, глядя на мумий, – это очень... домашне-невероятно.

– Или очень воспитание, – уточнила Белла, как всегда добавляя смысл к первой фразе.

Мумия-мама повернула голову к ним.

– Вы кто?

– Сёстры Аси, – сказала Агата.

- Родные, – уточнила Белла.
- По крови? – спросила мама.
- Частично, – ответила Агата.
- По нервам – полностью, – добавила Белла.

Мумия-мама кивнула.

- Значит, вы понимаете.
- Кого? – спросили сёстры одновременно.
- Его, – сказала мама.

Костя осторожно вмешался:

- Его здесь нет.
- А где он есть? – резко спросила мама.
- В Одессе.

Пауза.

Бинты на мумии-маме слегка натянулись.

- У воды? – тихо спросила она.

Костя посмотрел на Эби.

Эби посмотрела на сестёр.

Сёстры синхронно посмотрели в потолок.

- Теоретически... – начал Костя.
- Практически, – перебила Агата.
- В направлении воды, – закончила Белла.

Мумия-мама закрыла глаза.

- Я знала, – прошептала она. – Он всегда идёт к воде, когда нервничает.
- Некоторые идут в бар, – осторожно сказал Костя.
- Он – прилив, – сказала мама.

Отец кашлянул. Из него вылетела аккуратная пылинка.

Он поймал её и спрятал в карман.

- В хозяйстве пригодится, – пояснил он.

– Мы предупреждали, – добавил он уже серьёзно. – Нельзя нервничать возле воды. Особо-бенно если вода знает твоё имя.

В доме стало тихо.

Где-то в подвале что-то скрипнуло.

Как будто дом услышал слово «вода» и решил не вмешиваться.

Даже холодильник притих.

Он никогда не участвовал в диалогах, но тут отключился демонстративно.

Эби собралась.

- Проходите, – сказала она. – Чай? Кофе? Песок?
- Песок? – переспросила мама Сара.
- На всякий случай, – спокойно ответила Эби. – У нас бывает по-разному.
- Валерьянку, – сказала мама. – И быстро.

Агата шепнула Белле:

- Мумиям можно валерьянку?
- Если нельзя, хуже уже не станет, – ответила Белла.

Костя шагнул вперёд.

- Простите, но... вы давно в таком виде?

Мумия-мама медленно повернула к нему голову.

- С того дня, как он сказал: «Мам, я сам».

Костя кивнул.

- Логично.

Отец постучал посохом по полу.

– Нам нужен адрес.

– Чтобы что? – спросила Эби.

– Чтобы приехать раньше, чем станет поздно, – спокойно ответил отец.

– А что будет поздно?

Мумия-мама посмотрела на всех.

– Если он снова полезет к воде, – сказала она, – вода вспомнит.

– Что вспомнит? – спросила Агата.

– Кто из них старше, – ответил отец.

Тишина.

Костя вдохнул.

– Хорошо, – сказал он. – Но у нас есть правило.

– Какое? – прищурилась мама.

– В доме разужаются.

Пауза.

Мумии посмотрели вниз. На сандалии.

– Мы его рожали без анестезии, – сказала мама.

– Мы разужемся, – добавил отец.

И бинты начали аккуратно шуршать.

Две сестры синхронно пискнули.

Костя тихо произнёс:

– Чай будет через минуту.

Эби пошла на кухню.

По дороге обернулась:

– А что будет, если вода вспомнит?

Отец поднял голову.

– Спросите у сына, – сказал он. – Когда он снимет трубку.

Где-то в углу Костян подкрутил будильник.

Тот тикнул. Один раз.

Все посмотрели на часы.

Часы стояли.

– Ещё не время, – сказал Костян, не поднимая глаз.

И впервые за всё время никто не спросил, что это значит.

Тишина.

И вдруг мама Сара резко повернулась к папе Изе и со всей одесской искренностью стукнула его по плечу.

Бинты слегка примялись.

– Изя! – сказала она. – Ты тупой неотёсанный чурбан!

– Сара, за что? – искренне удивился он.

– Мы тут уже полчаса! Люди чай предлагают, песок, валерьянку! А ты даже не представился!

Папа Изя замер.

Осознал.

Выпрямился.

Подошёл к Косте и Эби ровно настолько, насколько позволяли сандалии.

Поклонился.

Не низко. С достоинством. Как человек, который помнит, что фараоны иногда ошибались, но никогда не извинялись.

– Изя Тутанхомоненко, – сказал он. – Глава семьи. Сувенирная лавка «У Тутанхомона». Скидка для своих – двадцать процентов. Для невестки – пожизненно.

И протянул визитку:

Изя Тутанхомоненко

Семейные сувениры из Египта

(с доставкой по Замричу)

«Таки да, мы настоящие»

Внизу мелким шрифтом:

Если не открываем – стучите громче. Мы не слышим из-за вечности.

Костя взял визитку, прочитал, передал Эби.

Эби прочитала, посмотрела на маму Сару.

– А вы? – спросила она.

Мама Сара поправила бинт на левом запястье.

– Сара. Можно просто «мама». Фамилия та же. Терпения меньше.

Пауза.

– Очень приятно, – сказала Эби, впервые искренне.

Костя спрятал визитку в карман.

– Сохраню, – сказал он. – На память. Или если понадобятся сувениры.

– Они понадобятся всегда, – вздохнул папа Изя. – Вопрос только – зачем.

В углу будильник снова тикнул.

Костян не поднял головы. Но улыбнулся.

Сауна. Штаб крестового похода

В сауне было жарко, сыро и стратегически неопределённо.

Батюшка сидел за столом, накрытым газетой. Газета уверенно сообщала, что всё наладится. С тех пор не обновлялась.

Перед ним лежал план. Настоящий. Чертёж.

– Это стратегическая карта, – сказал он, водя пальцем по пятну от борща. – Здесь – мы. Здесь – цель.

Лиза-суккуб лениво обмахивалась хвостом. Хвост даже слегка подмигнул.

– А что здесь? – спросила она, ткнув пальцем в ещё свежее пятно от борща.

– Топографическая неопределённость, – уверенно ответил батюшка. – Будем брать числом.

Кира-фея природы поливала кактус. Кактус рос на подоконнике и начал подозревать, что его готовят к чему-то большому, возможно – к крещению в кагоре.

– А чем мы вообще вооружены? – спросила Роза-фея любви, поправляя венки.

– Верой! – рявкнул батюшка.

– Это не пробивает стекло, – заметила Роза, слегка разочарованно глядя на свою венку.

– А ещё у нас есть веники, – добавил алкаш из угла. – Три штуки. Один почти новый.

В сауне повисла пауза. Даже пар притих, пытаясь слушать.

– Нам нужно что-то материальное, – сказала Лиза. – Символ.

– Кагор, – твёрдо сказал батюшка.

Все посмотрели на него, как на человека, который внезапно сообщил, что завтра Земля перевернётся.

– Чего? – переспросила Кира.

– Кагор. Церковное вино. Без него никакой крестовый поход не имеет юридической силы.

– А где его брать? – спросила Роза.

– Ларек. – Батюшка ткнул пальцем в газету. Палец попал в объявление «Срочно продам гармонию». – Там, – сказал он. – На углу.

– Там просто палатка, – сказал алкаш. – Я мимо хожу каждый день.

– Тем лучше. Внезапность.

Лиза-суккуб задумчиво почесала хвост. – «Если хвост думает, значит, дело серьёзное» – промелькнуло в её голове.

– А кто пойдёт?

– Нужна разведка, – сказал батюшка. – Кто-то незаметный. Кто не привлечёт внимания. Все посмотрели на школьника.

– Я занят, – сказал он, не отрываясь от экрана. – У меня сейчас 200 просмотров. Наберу 300 – отключусь.

– А может, я? – предложил алкаш.

– Тебя знают в лицо, – отрезал батюшка. – И в профиль. И в темноте. И на фотографиях 1923 года.

Тишина.

И тут в углу зашевелилось нечто.

Ягуар.

Он лежал на верхней полке всё это время. Никто не знал, зачем. Он сам, кажется, тоже.

– Он, – сказала Лиза.

Ягуар открыл один глаз. Один глаз уже говорил больше, чем большинство присутствующих.

– Ты незаметный, – продолжила Лиза. – Ты животное. Кто на животное обратит внимание?

Ягуар подумал. Подумал ещё раз. Медленно слез с полки.

Подошёл к столу. Посмотрел на план.

– Он согласен, – сказала Роза.

– Откуда ты знаешь? – спросила Кира.

– Я фея любви, – ответила Роза. – Я понимаю без слов.

– А я суккуб, – добавила Лиза. – Я понимаю даже когда молчат.

Ягуар вздохнул. Вздох был тяжёлым, как у оператора, которого отправили на задание без дубля.

– Значит так, – сказал батюшка. – Твоя задача: подойти к ларьку, оценить обстановку, запомнить, где лежит кагор, и вернуться.

Ягуар кивнул.

– Если спросят – ты просто ягуар, – добавила Кира. – Мало ли, где ягуары гуляют.

Ягуар посмотрел на неё. Взгляд говорил: «В джунглях, например. А не в Замриче. И вообще, кто сюда привёл эти кагоры?»

– Иди, – сказал батюшка. – Господь с тобой.

– И кагором, – добавила Лиза.

Ягуар развернулся и пошёл к выходу.

На пороге остановился. Оглянулся.

– Давай уже, – сказала Роза. – Мы верим.

Ягуар вышел.

Дверь закрылась.

В сауне стало тихо. Даже пар, казалось, замер в восхищении.

– А он справится? – спросила Кира.

– Он оператор, – ответила Лиза. – Операторы всегда возвращаются. Если не за материалом, то хотя бы за батарейками.

Где-то снаружи хлопнула дверь ларька.

– Началось, – сказал батюшка, перекрестив газету.

Газета промолчала. Но, кажется, одобрила.

Замрич. Дом Кости и Эби. Кухня.

Чай пили молча.

Чай был с песком. Не потому что хотели. Просто Эби предложила – а отказаться никто не решился.

– Ничего, – сказала мама Сара, прихлёбывая. – Песок очищает.

– От чего? – спросила Агата.

– От иллюзий.

Папа Изя сидел прямо, как доска, держал кружку так, будто это священный артефакт. Для него, возможно, так и было.

Костя смотрел в окно.

– Значит, они сбежали, – сказал он наконец.

– Не сбежали, – поправила Эби. – Уехали.

– Без нас, – уточнила Белла.

– Это и есть сбежали, – кивнула Агата.

Мама Сара поставила кружку.

– Главное – куда? – спросила она. – И зачем?

– Хотят побыть вдвоём, – предположила Эби.

– Для этого не надо никуда ехать, – резонно заметил папа Изя. – Можно просто закрыться в комнате и не выходить.

– У нас так бабушка Зинаида делала, – сказала Агата. – Три дня. Потом вышла с носками.

– Это другое, – вздохнула Эби.

Тишина.

Костя задумчиво почесал плечо. Плечо отвалилось. Он машинально приставил обратно.

– По графику? – спросил папа Изя.

– По вторникам, – кивнул Костя. – И пятницам. Сегодня среда. Значит, стресс.

Папа Изя понимающе кивнул. Бинты слегка натянулись, но он держался.

– Надо звонить Семёну, – сказал вдруг Костя.

Все посмотрели на него.

– Кому? – переспросила Эби.

– Семёну. Бывшему охотнику. Он в таких делах разбирается.

– А он не занят? – спросила Белла.

– Он всегда занят, – ответил Костя. – Тем, что не делает.

– И с Мэри мы давно не виделись, – добавила Эби. – Она до сих пор грозит ему иском?

– У неё уже тридцать семь айфонов, – сказала Агата. – Я в инстаграме¹ видела.

– А он?

– Он пишет мемуары.

Пауза.

– Кто будет платить за мемуары? – спросил папа Изя.

– Читатели, – ответила Белла.

– Бедные, – вздохнул Изя.

Мама Сара вдруг встала.

– Всё, – сказала она. – Хватит.

Все замерли.

– До утра мы ничего не решим. А я есть хочу.

– У нас есть кровь, – осторожно предложила Эби.

– Я не пью кровь. Я мама. Мне нужно мясо.

– Рыба есть, – сказала Агата.

– Рыба – это не мясо, – отрезала мама Сара. – Но пойдёт.

¹ Организация «Meta Inc.» запрещена на территории РФ.

Она посмотрела на папу Изю.

– Изя, вставай. Будем жарить.

Папа Изя встал. Послушно. Как человек, который за тысячелетия понял: спорить с Сарой утомительно, но не смертельно.

– Бычки нужны, – сказала мама Сара. – Свежие.

– В Замриче бычки не водятся, – заметил папа Изя.

– Значит, найди.

Папа Изя посмотрел на Костю. Костя – на Эби. Эби – на сестёр. Сёстры синхронно пожали плечами.

– У дяди Бори в сауне есть удочка, – вспомнила Белла. – Там мужик с ней сидит.

– Он рыбак? – спросил папа Изя.

– Он просто с удочкой, – уточнила Агата.

– Главное.

Мама Сара уже доставала сковородку.

– И ещё, – сказала она. – Рыбу-фиш надо приготовить.

– Что? – переспросила Эби.

– Рыбу-фиш. По-нашему. По-одесски.

– А чем отличается от просто рыбы?

– Настроением.

Агата шепнула Белле:

– Она начинает говорить загадками.

– Это возраст, – шепнула Белла в ответ. – Или бинты давят.

В этот момент входная дверь распахнулась. С грохотом. Так, будто её открыли не руками, а судьбой.

На пороге стоял ягуар.

Шатался. В стельку.

В одной лапе – пустая бутылка.

В другой – телефон, из которого доносились звуки прямой трансляции.

– КРЕСТОВЫЙ ПОХОД... – рявкнул ягуар, – ...НАЧАЛСЯ!

И рухнул лицом вниз. Прямо на пороге.

Телефон откатился в сторону. На экране бежали комментарии:

«Что это было?»

«Ягуар в отключке»

«Это новый контент?»

«Подписка оплачена»

«А когда кагор?»

«Где моя валерьянка?»

«Почему ягуар, а не кот?»

Тишина.

Костя медленно подошёл к телефону. Поднял. Посмотрел на трансляцию.

– У него двести тысяч просмотров, – сказал он.

– За что? – спросила Агата.

– За жизнь, – ответила Эби.

Папа Изя подошёл к ягуару, потрогал лапой пульс.

– Живой, – сказал он. – Или просто хорошо законсервированный.

Мама Сара выглянула из кухни.

– Это кто?

– Оператор, – сказала Белла.

– Блогер, – уточнила Агата.

– Пьяный, – добавил Костя.

Мама Сара посмотрела на ягуара, на бутылку, на телефон с комментариями.

– Хорошо посидел, – сказала она. – Бывает.

И ушла жарить бычков.

Ягуар всхрапнул.

Где-то в углу Костян подкрутил будильник. Тот тикнул. Все посмотрели на часы.

Часы стояли.

– Уже время? – спросила Белла.

– Ещё нет, – ответил Костян, не поднимая головы.

Ягуар всхрапнул громче.

– Но скоро, – добавил Костян.

И все почему-то поверили.

ГЛАВА 3

Морг, диван и один неотправленный звонок

– Темнеет, – сказала Ася, глядя на небо.

Одесское небо было таким же, как везде. Только темнело быстрее. Как будто тоже хотело побыстрее закончить день и начать непонятно что.

– Надо где-то отдохнуть, – добавила она.

Сёма кивнул.

– Есть одно место. Укромное. Тихий район. Соседи не шумят.

– Какое?

– Городское кладбище.

Ася посмотрела на него.

– Ты серьёзно?

– Там старый морг. Мы с ребятами часто пикники устраиваем. Даже диван притащили.

– Кто притащил диван в морг?

– Неважно. Главное, что он там стоит. И на нём можно сидеть.

– А останки?

– Останки не жалуются. Молчаливая публика. Редко кто аплодирует.

Ася подумала.

– Ладно. В Замриче мы тоже в морге жили. Будет как дома.

Они пошли в сторону кладбища.

Городское кладбище. Старый морг.

Морг встретил их запахом пыли, тишины и чьих-то выходных.

Внутри было темно. Сёма нащупал выключатель.

Загорелась одна лампочка. Она висела ровно посередине и, казалось, освещала только себя.

Диван стоял в углу. Старый, продавленный, с подозрительными пятнами.

– Уютно, – сказала Ася.

– Я же говорил.

Она села. Диван скрипнул. Скрип был одобрительный.

Сёма сел рядом. Молчание растянулось.

– Знаешь, – сказала Ася, – а у меня есть телефон дяди Толи.

– Кого?

– Дяди Толи. Майянского бога. Родственник.

– Майянского?

– Ну да. Он на свадьбе родителей был. Тогда ещё всё было нормально.

Сёма посмотрел на неё.

– А сейчас что?

– Сейчас я не знаю. Но он просил звонить, если что.

– А что «что»?

– Не знаю. Но телефон есть.

Она достала телефон. На экране горел контакт:

ДЯДЯ ТОЛЯ (БОГ)

– Прямо так и написано? – спросил Сёма.

– Прямо. Он сам вбивал.

– Звонить будешь?

– Не знаю. А вдруг он занят?

– Чем может быть занят майянский бог?

– Ну... миром. Ритуалами. Кактусом.

– Каким кактусом?

– Долгая история.

Ася убрала телефон. Положила на колени.

Телефон светился в темноте. Контакт «ДЯДЯ ТОЛЯ (БОГ)» смотрел на них, как судья на экзамене.

– А если не звонить? – спросил Сёма.

– Тогда придётся самим разбираться.

– С чем?

– Со всем.

Тишина.

Где-то в углу что-то шуршало. То ли мышь, то ли остатки пикника.

– А что там у вас в Замриче? – спросил Сёма.

– Родители. Сёстры. Костян. Ягуар.

– Ягуар?

– Он с нами живёт. Снимает всё подряд.

– А он сейчас где?

– Понятия не имею. Наверное, снимает.

Ася посмотрела на телефон. Контакт всё ещё горел.

– Ладно, – сказала она. – Позвоню завтра. Если завтра будет.

– Будет, – уверенно сказал Сёма. – Одесса не кончается.

– А вода?

– Вода подождёт.

За стенами морга стемнело окончательно.

Лампочка всё ещё освещала только себя. Диван перестал скрипеть, будто оскорблённо.

Где-то вдали ухнула сова.

Или не сова. В Одессе могло быть что угодно.

Вдруг телефон слегка завибрировал. Контакт «ДЯДЯ ТОЛЯ (БОГ)» моргнул экраном.

– Это он? – спросила Ася.

– Не знаю, – сказал Сёма. – Может, это напоминание о том, что мир всё ещё существует.

Или что он наблюдает за нашими диванными пикниками.

Телефон мигнул ещё раз.

– Ладно, – вздохнула Ася. – Завтра.

Диван тихо заскрипел. Словно соглашаясь.

– Мы живём в морге, – сказала она. – И это нормально.

– В Одессе тоже нормально, – добавил Сёма. – Но тут тише.

Их тишину прервало шуршание. Но теперь оно было похоже на аплодисменты.

Белочка, щупальца и немного ностальгии

Ася только попыталась уснуть.

Диван скрипнул, устраиваясь поудобнее. Лампочка всё ещё освещала саму себя и делала вид, что этого достаточно.

И вдруг – шорох.

Не тот, который мышь.

Не тот, который остатки пикника.

Тот, который не должен быть здесь.

Сёма подскочил так, будто его бинты наэлектризовали.

– ТАМ! – заорал он. – ТАМ ЧТО-ТО ЕСТЬ!

– Где? – не поняла Ася.

– ТАМ!

Он ткнул пальцем в угол.

Палец дрожал.

Бинты натянулись до предела.

Из угла показалось нечто.

Сначала одно щупальце.

Потом второе.

Потом ещё несколько – Ася сбилась со счёту на четвёртом.

Сёма взвизгнул – по-настоящему, как человек, который внезапно осознал, что мир устроен сложнее, чем он думал, – и рухнул за спинку дивана.

– МЫШИ! – донёсся оттуда приглушённый голос. – ТАМ МЫШИ! БОЛЬШИЕ! РЕЗИНОВЫЕ!

Щупальца тем временем продолжали появляться.

Вместе с ними в морг вполз запах.

Тяжёлый.

Устойчивый.

Аромат перегара, который помнил не одну тысячу лет и не собирался извиняться.

Ася смотрела с интересом.

Она знала этот запах.

Она знала эти щупальца.

Она знала, кто сейчас появится.

И он появился.

Сначала показалась профессорская шапочка.

Потом глаза.

Потом улыбка – кривая, добрая и слегка мокрая.

– Белочка! – заорала Ася. – ДЯДЯ СЕРГЕИЧ!

Она прыгнула с дивана и бросилась в щупальца.

Объятия были влажными, пахли тиной, канализацией и чем-то очень родным.

– Белочка! – кричала Ася, тиская древнее божество. – Белочка! Как я соскучилась!

Из-за щупалец выглянула Белочка.

Маленькая, пушистая, с выражением мордочки: «Ну вот, опять мы куда-то влезли».

– И ты тут! – Ася чмокнула её в нос. – И вы оба! Как вы тут? Откуда?!

Сергеич аккуратно освободил одно щупальце и поправил шапочку.

– Ну, – сказал он с достоинством, – вообще-то мы по трубам.

Сначала замричские.

Потом одесские.

Потом ещё какие-то – я уже сбился.

– По трубам?! От самого Замрича?!

– А чё.

Трубы они везде трубы.

Главное – не спрашивать, куда ведут.

Белочка согласно цокнула.

– А Белочка? – спросила Ася.

– А Белочка со мной.

Она теперь везде со мной.

Насовсем.

Ася посмотрела на Белочку.

Белочка кивнула.

Кивок был веский, как у существа, которое окончательно решило, с кем оно.

– А вы как нас нашли? – спросила Ася.

Сергеич задумался.

– Ну... вообще-то мы не вас искали.

Мы просто плыли.

А тут запах.

– Какой запах?

– Родной.

Моргом пахнет.

Думаем, дай заглянем.

– И заглянули.

– И заглянули.

Из-за дивана донёлся слабый голос Сёмы:

– Оно... оно говорит?

– Это Сергеич, – ласково сказала Ася. – Древний бог. Живёт в канализации. Свой.

– В канализации?

– Ну да. А где ещё жить древнему богу в наше время?

Сёма осторожно выглянул из-за спинки.

Посмотрел на щупальца.

На шапочку.

На Белочку.

На Асю, которая стояла в обнимку с этим всем.

– В Одессе, – сказал он тихо, – я думал, меня уже ничто не удивит.

– Удивило? – спросил Сергеич.

– Немного.

– Это пройдёт.

Мы вообще незаметные.

Когда привыкнешь.

Белочка спрыгнула на пол, подошла к Сёме и ткнулась мордочкой в бинты.

– Она... она трогает меня, – прошептал Сёма.

– Это она здороваётся, – объяснила Ася. – Не бойся. Она кусается, только если не любит.

– А она любит?

Белочка посмотрела на Сёму.

Подумала.

Кивнула.

– Любит, – перевёл Сергеич. – Редко, но метко.

Сёма медленно вылез из-за дивана.

Подошёл ближе.

– Значит, вы... родственники?

– Можно и так сказать, – улыбнулся Сергеич. – Мы все теперь одна большая семья.

С причудами.

И с трубами.

Где-то в глубине его щупалец булькнуло.

– А это кто? – спросил он, кивая на диван.

– Диван, – сказала Ася.

– Хороший диван.

Старый.

Надёжный.

Я такие уважаю.

Диван скрипнул довольно.

– Он вас понял, – сказала Ася.

– Конечно.
Я бог.
Меня даже мебель понимает.
Особенно если мебель старая.
Белочка запрыгнула на диван, свернулась калачиком и закрыла глаза.
– Она устала, – сказал Сергеич. – Дорога долгая.
Даже по трубам.
– А вы?
– А я посижу.
Побуду.
Вы не против?
Ася посмотрела на Сёму.
Сёма посмотрел на щупальца.
На шапочку.
На Белочку.
На диван, который теперь официально стал частью семьи.
– У нас, – сказал он осторожно, – вообще-то пикник завтра планировался.
– А мы не помешаем, – успокоил Сергеич. – Мы тихо.
Посидим в уголке.
Воду попьём.
– Воду? – переспросила Ася.
Сергеич посмотрел в сторону моря.
– Вода, – сказал он задумчиво, – она вообще-то поднимается.
Я по пути чувствовал.
Не знаю, к чему это.
Но чувствовал.
Ася и Сёма переглянулись.
– Вы про что? – спросил Сёма.
– Про то, что не спрашивают, – ответил Сергеич. – А спрашивают, когда уже поздно.
Он улыбнулся.
– Но вы не бойтесь.
Мы с Белочкой рядом.
Если что – спрячем.
– Где?
– В трубах.
Там тепло.
И рыбы нет.
Белочка на диване всхрапнула.
Совсем как ягуар пару часов назад в Замриче.
– Семья, – сказала Ася, глядя на это всё.
– Семья, – согласился Сёма.
Сергеич аккуратно сложил щупальца в углу, поправил шапочку и приготовился ждать утра.
Лампочка наконец-то перестала освещать только себя.
Ей стало стыдно.
Замрич. Дом Кости и Эби. Ночь.
В доме было беспокойно.
Слишком беспокойно.

Костя сидел за столом и не читал книгу. Книга лежала закрытой, словно прислушивалась к окружающему хаосу.

На кухне мама Сара дожаривала бычков. Их было много, сковородок мало. Она справлялась.

Папа Изя сидел на подоконнике, сандалии так и не надел обратно. В знак протеста или уважения – никто не уточнял.

Агата и Белла шептались в углу. Шёпот был тревожный, коллективный и слегка заговорщический – их базовая настройка в кризисных ситуациях.

Эби мерила шагами комнату.

– Значит так, – сказала она. – Крестовый поход идёт сюда. Батюшка с ума сошёл окончательно. Феи и суккуб под рукой. Алкаши готовы на всё. Ягуар в отключке. Что делаем?

– Есть варианты, – вдруг сказал Костя.

Все посмотрели на него.

– Какие?

– Можно к дяде Толе.

Он живёт далеко. Но тихо. И у него есть пирамида.

– Пирамида? – переспросила мама Сара, переворачивая бычка.

– Ну да. На всякий случай. Если что – отсидимся.

– А можно на остров? – добавила Агата.

– На какой?

– Там, где боги живут. Старые знакомые.

Папа Изя слез с подоконника.

– А туда пустят?

– Уже пускали, – сказала Белла. – Правда, тогда один ягуар чуть всё не испортил.

Все посмотрели на ягуара.

Он открыл один глаз. Посмотрел. Закрыл.

– Он с нами, – решила Эби. – Поднимете?

Агата и Белла подхватили его под лапы. Ягуар не сопротивлялся. Он был в том состоянии, когда согласен на всё, лишь бы не вставать и чтобы никто не просил его ничего снимать.

– Выходим через чёрный ход, – скомандовала Эби. – К дяде Толе. Если его нет – на остров. Если и там не получится – решим на месте.

– А если море? – спросил папа Изя.

– Море? – удивилась Эби.

– Вода... – тихо добавил он. – Просто спросил.

Эби фыркнула: «Этот папа Изя...»

Сзади остался дом, догорающие бычки и крики крестового похода, который уже врывался в подъезд.

– КАГОР!!! – гремело за спиной.

Крестовый поход шёл по улице.

Впереди – батюшка с веником вместо хоругви.

За ним – Лиза-суккуб с флагом из простыни.

Кира-фея поливала прохожих кактусом (тот самый, который ждал крещения).

Роза-фея размахивала венком и пела что-то про любовь.

Алкаши несли ящик с кагором.

Школьник вёл трансляцию.

Мужик с удочкой замыкал шествие, время от времени забрасывая леску в ближайшие кусты.

– Они идут сюда, – сказал Костя.

– Вижу, – ответила Эби.

- Что делаем?
- Собираемся.
- Куда?
- К дяде Толе. Если его нет – остров. Если и там не получится – решим на месте. Папа Изя уже наматывал бинты обратно на ноги.
- Я с вами, – сказал он. – Сара?
- А я без вас? – фыркнула мама Сара. – Бычки с собой возьмём.
- Бычки – обязательно, – кивнул Костя.
- Агата и Белла уже тащили рюкзаки.
- Выходим, – подтвердила Эби. – И не оборачивайтесь. Я знаю, что говорю. Они пошли к порту. К морю. К воде.
- Которая, как бы сказал один древний обитатель труб, уже поднималась.
- Замрич. Улица. Маршрутка.
- Они вышли из дома и замерли.
- Крестовый поход стоял прямо перед ними.
- Батюшка – в центре, с веником наперевес.
- Феи и суккуб – по бокам.
- Алкаши – с ящиком кагора.
- Мужик с удочкой – чуть поодаль, забрасывал леску в лужу.
- Тишина.
- Костя медленно поднял руку.
- Рука отвалилась. Он поймал её на лету и приставил обратно.
- Доброе утро, – сказал он вежливо.
- Батюшка посмотрел на него.
- На мумий.
- На ягуара, которого тащили под лапы.
- А вы куда? – спросил он.
- В гости, – быстро сказала Эби.
- К кому?
- К дяде Толе.
- Далеко?
- Не очень.
- Батюшка подозрительно сощурился.
- А кагор у вас есть?
- У вас есть, – ответила Агата, кивая на ящик.
- Батюшка задумался.
- Логично, – сказал он наконец.
- Пауза.
- Ладно, идите, – махнул он веником. – Мы тоже пойдём.
- Куда? – спросила Белла.
- В сауну. Обед всё-таки. Да и кагор стынет. А тёплый он невкусный.
- Лиза-суккуб одобритительно кивнула.
- Интеллигентный подход, – сказала она.
- Кира-фея полила кактус. Кактус слегка шевельнулся.
- Роза-фея улыбнулась всем сразу.
- Разворот! – скомандовал батюшка. – На сауну! Кагор пить! Веру крепить!
- Крестовый поход развернулся и бодро затопал обратно.
- Мужик с удочкой на прощание забросил леску в сторону Кости.
- Держитесь там, – сказал он. – У воды.

И ушёл.
– Интеллигент, – уважительно сказал папа Изя.
– Интеллигент, – согласилась мама Сара.
– На маршрутку, – скомандовала Эби.
Вокзал. Электричка.
Маршрутка мчалась, как угорелая.
Водитель посмотрел на мумий, на ягуара, на девушек с рюкзаками – и ни одного вопроса не задал. Профессионал.
Электричка ожидала на платформе.
На табличке горело:
«ЗАМРИЧ – ОСТРОВ (ЧЕРЕЗ МУХОСРАНСК)»
– Прямо до острова? – удивилась Агата.
– Видимо, да, – сказал Костя. – Прогресс.
Они загрузились в вагон.
Ягуара положили на верхнюю полку.
Он даже не проснулся; лапа слегка дёрнулась – видимо, во сне проводил интервью.
Поезд тронулся.
Эби достала телефон и набрала номер.
– Дядя Толя? – сказала она. – Привет. Мы едем к Клавдии Ивановне.
В трубке повисла пауза.
Потом донеслось:
– К Клавдии?
– Да. На остров.
– Которая... бывшая?
– Которая тёща, – уточнила Эби. – Но вообще да, бывшая.
Ещё пауза. Длиннее, тяжелее, с оттенком майянской тоски.
– Обиделась, – шепнула Агата Белле.
– Я бы тоже обиделся, – шепнула Белла в ответ.
– А тётя Глаша там? – спросил дядя Толя.
– Наверное. У неё же там дача.
– Дача?
– Ну да. Ещё участок.
– И помидорчики?
– Должны поспеть.
В трубке стало тихо. Но тишина была думающая.
– Ладно, – сказал дядя Толя. – Я тоже приеду.
– В смысле?
– В прямом. На остров. К Клавдии. С помидорами. В общем – еду.
– Дядя Толя, вы же разведены.
– Ну и что? Я по делу. По овощному.
Эби закатила глаза.
– Как хотите.
– Хочу, – твёрдо сказал дядя Толя. – Давно не виделись. Тем более она вяжет. А я люблю, когда вяжут.
– Вы любите, когда она вяжет?
– Я люблю, когда она молчит и вяжет. Это успокаивает.
Эби вздохнула.
– Ладно. Встретимся на острове.
– Договорились. Я с кактусом.

– С каким?
– С которым дружу. Он тоже хочет на море.
Эби посмотрела на потолок вагона.
Потолок был старый, в пятнах, но сочувствующий.
– Отлично, – сказала она. – Будет весело.
– Это точно, – согласился дядя Толя и отключился.
Эби убрала телефон.
– Дядя Толя едет, – сказала она.
– С кактусом? – спросила Белла.
– С кактусом.
– А Клавдия Ивановна знает?
– Пока нет.
– Будет сюрприз.
– Будет, – согласилась Эби. – Как всегда.
За окном мелькнул Мухосранск, затем Задрьпинск.
Поля, леса... и странное чувство, что всё это – часть большой игры.
Ягуар на верхней полке всхрапнул.
Во сне он улыбался. Видимо, кагор снился.

ГЛАВА 4

Остров Клавдии Ивановны. Станция.

Электричка остановилась.

Двери открылись с таким звуком, будто их долго уговаривали.

И они сдались.

Костя вышел первым.

За ним – Эби.

Потом – Агата, Белла, папа Изя, мама Сара, ягуар (проснулся, но частично) и бычки (в контейнере, морально устойчивые).

Перрон был маленький.

Деревянный.

С одной скамейкой, табличкой и ощущением, что здесь давно никто никуда не спешит.

На табличке значилось:

«ОСТРОВ КЛАВДИИ ИВАНОВНЫ.
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ.
ДО ПОСЁЛКА 2 КМ.
МАРШРУТКА ПО РАСПИСАНИЮ.
ЕСЛИ НЕТ – ПЕШКОМ.
ЕСЛИ ЛЕНЬ – СУДЬБА.»

– Маршрутка? – удивилась Белла. – На острове?

– Прогресс, – сказал Костя.

– Или лень, – добавила Эби.

Папа Изя огляделся.

– А где море?

– Там, – махнула рукой Агата. – За пальмами.

– А где пальмы?

– Там, где море.

Мама Сара поставила контейнер с бычками на скамейку.

– Я ждать могу. Но бычки – нет.

– Они же замороженные, – напомнила Белла.

– Они чувствуют, – строго сказала мама Сара.

В этот момент из вагона вывалился батюшка.

Не вышел.

Не сошёл.

Именно вывалился.

Сначала показалась бочка.

Маленькая, дубовая, с надписью:

«КАГОР. ЦЕРКОВНЫЙ. НЕ ДЛЯ КОМПОТА.»

Потом – сам батюшка.

Он держался за бочку, как за смысл жизни.

– Успел! – выдохнул он, обнимая её.

Все уставились.

– Вы... один? – осторожно спросил Костя.

Батюшка оглянулся.

Пустой вагон.

Пустой перрон.
Джунгли вдалеке.
– А где все? – спросил он.
– Вы кого-то потеряли? – уточнила Эби.
– Потерял? – батюшка моргнул. – Я не терял. Я вёз.
Он посмотрел на бочку.
Потом на джунгли.
Потом снова на бочку.
– Кагор, – сказал он серьёзно. – Символ. Юридическая сила. Почти документ.
– А люди? – спросила Агата.
– Люди... – батюшка задумался. – Люди остались в сауне.
Кажется.
Или в Замриче.
Или вообще не садились.
– А вы садились? – уточнила Белла.
– Я сел. С бочкой. А они...
Он махнул рукой в сторону туннеля.
– Они, возможно, ещё там. В процессе укрепления веры.
– В сауне? – переспросила Белла.
– В сауне.
Пьют.
Крепят.
Без меня.
Папа Изя сочувственно покачал головой.
– Таки да. Бывает. Вера без руководства – это хаос.
Батюшка вдруг выпрямился.
Глаза его загорелись.
Не безумным – идейным.
– Значит так, – сказал он. – Если они остались – значит, так надо.
А я... я теперь не крестonosец.
Пауза.
– Я миссионер.
– Кто? – переспросил Костя.
– Миссионер. Несу слово.
– В массы? – уточнила Эби.
– В джунгли.
Он подхватил бочку.
С трудом.
Очень с трудом.
Но вера помогала.
– Там люди? – спросил он, кивая на заросли.
– Там... вообще-то Клавдия Ивановна, – сказала Агата. – И Кеша. И Шурик.
– Боги? – уточнил батюшка.
– Боги, – кивнула Белла.
Батюшка подумал секунду.
– Тоже люди.
Ну, почти.
Всем слово нужно.
Он побрёл к джунглям.

С бочкой.
С миссией.
С лёгким перекосом влево.
Кусты приняли его без вопросов.
– Он не вернётся? – спросила Агата.
– Вернётся, – сказал Костя. – Когда кагор кончится.
– А когда он кончится?
– Судя по размеру бочки – никогда.
Из-за поворота показалась маршрутка.
Старая.
Ржавая.
С философией.
На боку было написано:

«ОСТРОВ – ПОСЁЛОК.
3 РУБЛЯ.
ЕСЛИ НЕТ ДЕНЕГ – МОЖНО ДУШОЙ.
СДАЧИ НЕ ДАЁМ.»

Двери открылись сами.
Как будто маршрутка всё слышала.
– Садимся, – сказала Эби.
Они загрузились.
Ягуар занял последнее сиденье и сразу уснул.
Во сне он кому-то кивал. Возможно, богам.
Бычки отправились в багажное отделение.
Никто не спросил, есть ли у них душа.
Но если бы спросили – мама Сара бы ответила.
Маршрутка тронулась.
За окном проплывали пальмы, кусты и ощущение, что всё идёт по плану.
Хотя плана не было.
Ни у кого.
И именно поэтому всё шло идеально.

Маршрутка, звонок, стрим и сборы в Мексике

Маршрутка тряслась по просёлочной дороге так, будто пыталась стряхнуть с себя лишних пассажиров.

Пассажиры держались.
Маршрутка – тоже.
Костя сидел у окна и считал пальмы.
Пальмы заканчивались.
Потом начинались новые.
Это внушало доверие к мирозданию.
Ягуар на заднем сиденье приоткрыл один глаз.
Потом второй.
Потом вспомнил, кто он.
– Мурк, – сказал он значительно.
– Что? – переспросила Агата.
– Он говорит, что пора, – перевела Белла. – Фанаты заждались.
Ягуар достал телефон.

Экран вспыхнул.

Он навёл камеру, поправил усы, выбрал ракурс «таинственный профиль» и нажал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.